

КАК ВОСПИТЫВАЛИ И ЧЕМУ УЧИЛИ ДВОРЯН В РОССИИ И ЕВРОПЕ: РЕЗУЛЬТАТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА*¹

Рец. на: Идеал воспитания дворянства в Европе: XVII–XIX века / под ред.
В. Ржеуцкого, И. Федюкина, В. Береловича. – М. : Новое лит. обозрение,
2018. – 496 с.

Юлия Бут

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

ON RAISING AND EDUCATING THE NOBILITY IN RUSSIA AND IN EUROPE: RESULTS OF INTERNATIONAL COOPERATION

Rev. of: Rjéoutski, V., Fedyukin, I., Berelowitch, W. (Eds.). (2018). *Ideal
vospitaniya dvoryanstva v Evrope: XVII–XIX veka* [The Ideal of Education
of the Nobility in Europe between the 17th and 19th Centuries].
Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 496 p.

Yulia But

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This review examines a collection of sixteen research papers by a group of renowned Russian and non-Russian specialists in early modern history. The authors try to formulate the essence of the all-European ideal of noble education and to outline the educational trajectories and strategies of the nobility both from Russia and different parts of Europe. The papers refer to a considerable number of archival sources and employ relevant methods and original approaches. The authors agree that during the period in question, for a well-

* *Citation:* But, Yu. (2020). On Raising and Educating the Nobility in Russia and in Europe: Results of International Cooperation. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 3. P. 1039–1050. DOI 10.15826/qr.2020.3.511.

Цитирование: Бут Ю. On Raising and Educating the Nobility in Russia and in Europe: Results of International Cooperation // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 3. P. 1039–1050. DOI 10.15826/qr.2020.3.511 / Бут Ю. Как воспитывали и чему учили дворян в России и Европе: результаты международного сотрудничества // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 3. С. 1039–1050. DOI 10.15826/qr.2020.3.511.

educated representative of the European nobility, it was important to be able to communicate with those of equal standing, which entailed following social niceties and the art of letter-writing. As for academic knowledge, a nobleman was expected to have a general notion of various domains, including new disciplines, such as fortification, cameralism, mining, agriculture, etc. The reviewer criticises the scholarly apparatus of the publication and its design.

Keywords: Russian Empire; Europe; early modern period; nobility; aristocracy; history of education; Grand Tour; *honnête homme*.

В рецензируемом сборнике представлены исследования коллектива авторитетных российских и зарубежных историков-новистов. Авторы постарались воспроизвести общеевропейский идеал дворянского воспитания и охарактеризовать образовательные траектории и стратегии как российских дворян, так и европейского дворянства. Исследования основаны на солидной базе архивных источников с применением актуальных методов и интересных подходов. Авторы сборника едины во мнении, что для хорошо образованного европейского дворянина в этот период имело значение умение общаться с равными себе, включавшее наличие светских манер и владение эпистолярным стилем. Что касается научных познаний, то от дворянина требовалось общее знакомство с разными областями знания, в том числе и с новыми, недавно возникшими дисциплинами (фортификацией, камералистикой, горным делом, сельским хозяйством и т. п.). Высказаны замечания к научному аппарату издания и его оформлению.

Ключевые слова: Российская империя; Европа; Новое время; дворянство; аристократия; история образования; Гран-тур; *honnête homme*.

Рецензируемый сборник статей является плодом работы конференции «Идеал воспитания дворянства в Европе» (Москва, 2014) и демонстрирует панораму традиций и новаций в воспитании дворянства ряда европейских стран в XVII – первой половине XIX в. В сборнике успешно представлен идеал воспитания дворянства как общеевропейский феномен с учетом регионального и хронологического разнообразия моделей и практик. Особое внимание уделено воспитанию дворянства в Российской империи (восемь из 16 статей). Его позднее включение в процесс общеевропейских культурных трансферов не препятствует тому, чтобы, как заявлено в аннотации к сборнику, сделать «важные наблюдения и сравнения, проливающие свет на суть этого явления на всем Европейском континенте»¹. Однако заявленная задача в ее решении отдана читателю для самостоятельных выводов, сборник предлагает лишь материалы для сопоставления.

Большую часть вводной статьи «Европейское дворянство и эволюция его идеала воспитания» редакторы В. Берелович, В. Ржеуцкий

¹ Здесь и далее ссылки на рецензируемое издание даются в круглых скобках с указанием номеров страниц.

и И. Федюкин посвятили не столько эволюции общеевропейского идеала, сколько ответу на вопрос, было ли российское дворянство «европейским». Вопрос разбирается с разных сторон: численность, этнический и социальный состав, взаимоотношения с государственной властью, особенности землевладения, титулования, стратификации дворянства, а также степень его участия в центральном и местном управлении (с. 9–16). Авторы не разводят понятия «российское дворянство» и «русское дворянство» и используют их, по всей видимости, как синонимы, но в рецензии будет использоваться понятие «российское дворянство» как зонтичное для всех дворян из Российской империи, вне зависимости от их этнической принадлежности. Редакторы сборника приходят к выводу об уместности сравнения российского дворянства преимущественно с дворянством Северной и Восточной Европы, в рамках которой Россия «представляет собой начиная с XVII века крайний случай» (с. 17). Такой вывод не совсем согласуется с региональным принципом отбора статей, которым руководствовались составители сборника: наряду с российским, из дворянства Северной и Восточной Европы здесь представлено разве что венгерское; остальные статьи посвящены французскому, неаполитанскому, сицилийскому и немецкому лютеранскому дворянству.

Далее редакторы утверждают, что, хотя российское дворянство и отличалось во многих отношениях от дворянства Западной и Центральной Европы, начало XVIII в. отмечено их заметным сближением в плане культуры и образования, являвшихся ключевыми социальными маркерами. Таким образом, европейская модель образования, ставшая «неотъемлемой частью культурной идентичности русского дворянства», служит тем критерием, который позволяет авторам сборника причислять российское дворянство к общеевропейскому и рассматривать его как часть европейской дворянской корпорации. Неизбежным аспектом этого вопроса является тема вестернизации российского дворянства в XVIII – начале XIX в., которая, по мнению ряда исследователей, привела к оторванности этого социального слоя от остального общества, его отчуждению от национальной культуры и интересов государства [см.: Ключевский, с. 166–169; Степченко, с. 136–138; Раев, с. 135–138]. Русский дворянин в этот период, пишет В. О. Ключевский, будучи чужим между своими, «старался стать своим между чужими», но «на Западе, за границей, в нем видели переодетого татарина», а на родине – «случайно родившегося в России француза», в результате чего он находился в положении «межеумка» и «исторической ненужности» [Ключевский, с. 167]. Редакторы сборника не постулируют свое отношение к проблеме вестернизации российского дворянства, подчеркивая, что она не стоит в центре внимания сборника, но «между строк» все же читается, что они склонны оспаривать тезис об «отчужденности» и считают российское дворянство с его европейской образованностью вполне органичной частью национальной культуры. Они отмечают, что европейское образование служило российскому дворянству средством для демонстрации «культурного

отличия» и «непременным элементом корпоративной идентичности», что способствовало «превращению этой социальной группы в полноценное сословие» (с. 18–21). Ключевое воздействие европейской модели Просвещения в формировании русского дворянства неоднократно отмечалось в современной историографии [см.: Редин, Соболева].

Сборник состоит из четырех разделов: «Воспитательные стратегии: какое воспитание и для какого дворянства?», «Модели, трансферы, тенденции, критика и сопротивление», «Воспитательные учреждения и воспитательные модели», «Что говорят нам источники?». На мой взгляд, названия разделов сформулированы весьма размыто, более того, они, по сути, дублируют друг друга. Например, во втором и третьем разделах речь идет о моделях воспитания. Многие из статей сборника могут быть с легкостью отнесены к любому из разделов. Так, учитывая, что абсолютно все статьи основаны на архивных источниках (что, вне всякого сомнения, является достоинством этого коллективного труда), каждую из них можно было бы включить в четвертый раздел с малоинформативным названием «Что говорят нам источники?» Сами редакторы сборника нигде не комментируют группировку статей и названия разделов. Во вводной статье они характеризуют материалы сборника в рамках совершенно других проблемных пластов: «Идеал воспитания и социальное дисциплинирование», «Модернизация дворянского образования и дворянская идентичность», «Образование, привилегии и социальный лифт» и «Новые тенденции: от *Grand Tour* и идей Руссо к критике дворянского воспитания». Думается, эти проблемные пласты лучше подошли бы в качестве названий разделов сборника, хотя, как это видно из вводной статьи, четко распределить между ними материалы сборника тоже было бы сложно.

Одним из ключевых феноменов, характеризовавших европейскую модель воспитания, являлся Гран-тур, что вытекает из материалов сборника. Однако для этого феномена авторы сборника не выработали общего определения, тогда как понятие Гран-тура имеет множество нюансов, и его можно толковать достаточно широко [см., например: *Die Grand Tour in Moderne und Nachmoderne*]. Написание термина на страницах сборника не унифицировано: варианты «Grand Tour» и «Гран Тур» перемешаны даже в рамках отдельно взятых статей; В. Ржеуцкий в статье «Pro et contra: идеал воспитания высшего дворянства в России (вторая половина XVIII – начало XIX века)» пишет об «анти Гран-Туре» (с. 231) и «анти Grand Tour» (с. 240, 241). В тематическом указателе рядом с понятием «Гран Тур» в скобках указаны понятия «Kavalierstour» и «Kavalierreise», что, по-видимому, означает, что авторы рассматривают эти понятия как синонимичные Гран-туру, хотя многие исследователи считают последний термин слишком общим, не отражающим всей «социальной гетерогенности культуры путешествия в раннее Новое время» [Leibetseder, p. 109]. Разные варианты иноязычных терминов, связанных с феноменом Гран-тура (*peregrinatio academica*, «pelegrinaggio» и «pelegrinaggio politico», «ars apodemica» и *ars apodemica*), часто без по-

яснений, местами затрудняют понимание авторских рассуждений. Для сборника в целом характерно использование иноязычных терминов без пояснений. Например, на с. 15 встречается утверждение о том, что «юридическая незакрепленность политического влияния российского дворянства не позволяла ему образовать Stand в подлинном смысле слова». На следующей странице термин «Stand» повторяется снова в сопровождении русского слова «сословие» в скобках (с. 16). При этом остается неясным, что авторы имеют в виду под «подлинным» смыслом этого немецкого термина, многозначного, в отечественной историографии используемого не в социальном, а в политическом значении и только для описания германских исторических реалий [История Нового времени, с. 229], к тому же часто переводимого как «чин», а не «сословие» [см.: Ивонин; Комлева].

Внимательный читатель все же может предположить, что авторы сборника используют термин «Гран-тур» в его классическом узком понимании длительного заграничного путешествия в образовательных целях, которое в сопровождении опытного наставника совершали сыновья аристократических семейств. Особенно интересной в плане изучения происхождения этого феномена является статья А. Бургкардта «Истоки возникновения *Grand Tour*: путешествие в сочинениях о воспитании дворян в XVI – начале XVII века». Тут, правда, возникает закономерный вопрос о соответствии нижней хронологической границы периоду, заявленному в названии сборника, но ценности этого конкретного исследования он не умаляет. Бургкардт обращает внимание на изменение коннотации слова «путешествовать» при переходе от Средневековья к раннему Новому времени: понимание путешествия как препятствия, которое необходимо с мучениями преодолеть паломникам, или бесцельного странствования, характерного для образа жизни рыцаря, сменяется осознанием его как организованного действия, вызванного «естественным» стремлением к «познанию и пониманию вещей» (с. 388–390). Бургкардт связывает эти изменения со сменой мировоззрения в переходную эпоху, когда идеал рыцаря, бесцельного странника и искателя приключений, сменяется идеалом придворного аристократа, движимого жаждой знаний и интересами государства (с. 404–406).

Считается, что расцвет Гран-тура в истории европейского образования приходится на XVII в., при том, что его значимость сохранялась до 40-х гг. XVIII в. [Eenenkel, de Jong, p. 3]. Однако из статьи В. Береловича «Европейские образовательные путешествия русских аристократов» следует, что в воспитании дворян Российской империи этот феномен стал привычной практикой только во второй половине XVIII в., когда сложилась устойчивая иерархия стран в образовательных путешествиях русских дворян. В приоритете была Италия, далее следовала Франция, на третьем месте находилась Англия; более скромные места в этой иерархии занимали Швейцария, Голландия, Южные Нидерланды, германские государства и территории Габсбургской монархии; Испания, Порту-

галия, Дания и Швеция посещались с образовательными целями только в исключительных случаях (с. 429–431). Читатель может сделать вывод, что благодаря русской аристократии Гран-тур получил своеобразное продление жизни и популярности в европейской дворянской среде.

Одной из ключевых составляющих европейского идеала образованного дворянина раннего Нового времени являлось понятие *honnête homme*, также неоднозначное и не имеющее общепринятого перевода на русский язык [Хохлова, с. 40]. Авторы сборника используют его в разных вариантах написания: с прописной и строчной буквы, в кавычках и без, с выделением курсивом и без выделения; встречается вариант написания «*honneste homme*» (с. 403). В тематическом указателе оно обозначено как «честный человек», хотя читателю было бы легче его найти, будь оно приведено во второй части указателя на латинице. Логично было бы выработать какое-то общее определение для этого понятия, поскольку разноречивые определения, даваемый авторами в отдельных статьях, приводит читателя в замешательство. Пожалуй, яснее всех это понятие развернул Д. А. Редин. Он поясняет, что *honnête homme* в разные эпохи имело разное смысловое наполнение: если в XVII в. это «приятный человек, соединяющий в себе качества, необходимые для жизни в обществе», то в XVIII в. это «человек, заботящийся об общем благе, сведущий, пусть и поверхностно, в разных областях знания» (с. 461).

Через весь сборник красной нитью проходит утверждение, что именно понятие *honnête homme* отличало идеал дворянского воспитания от идеалов прочих социальных групп, например, ученого сословия или богатого среднего класса. При этом *honnête homme*, в отличие, скажем, от умения ездить верхом, никак не было связано с «профессиональной» деятельностью дворянства (с. 52). Как пишет В. Ржеуцкий, безупречное знание французского языка, умение держать себя в обществе, владение «приятными искусстваами» и эпистолярным стилем отнюдь не требовались для выполнения служебных обязанностей, но отвечали «главному занятию аристократии – общению, прежде всего в своей среде», и стали «отличительным признаком высшего дворянства» (с. 240). В. Фреде вторит ему, подчеркивая, что важнейшими качествами для достижения успеха в карьере придворного были «репутация, способность нравиться, как и умение приказывать» (с. 202). Глубокие, серьезные познания в научной области не только не ценились, но даже считались неприличными для дворянина раннего Нового времени. Ж.-Л. Ле Кам, повествуя о биографии одного из своих героев Петруса фон Вайе (1543–1613), отмечает, что тот слушал лекции в нескольких университетах и даже получил степень доктора, но скрывал этот факт, «поскольку дворянину не пристало принимать участие в подобных академических испытаниях» (с. 381). Дворянство Российской империи твердо усвоило эту особенность европейского идеала воспитания, и даже в начале XIX в., по словам М. Б. Лавринович, родители не спешили отдавать своих детей в гимназии, поскольку «курс обучения в гимназиях считался

слишком сложным», а «преподаваемые предметы – не имеющими практического применения в дальнейшей жизни» (с. 322).

Получить близкое к идеальному воспитание могли не только дети богатых аристократов, но и отпрыски бедных дворянских семейств, родители которых не имели средств отправить их в Гран-тур. В Европе и России создавались специальные образовательные учреждения для воспитания дворянства. Одним из таких учреждений был Терезианум, дававший «возможность, не выезжая за границу, получать разносторонние знания и обретать манеры придворного» (с. 291). Истории его развития посвящена статья О. В. Хавановой «Врожденное благородство и ученое превосходство: венский Терезианум как сословный образовательный идеал второй половины XVIII века». Исследовательница подчеркивает, что, несмотря на достаточно прогрессивную для своего времени образовательную программу, было бы ошибкой приравнивать Терезианум к современным ему университетам. Учебный план этого заведения «сознательно не перегружался лишней информацией, но сбалансированно знакомил воспитанников с началами различных наук», в результате чего достигалось соединение «врожденного благородства с грамотно дозированным ученым превосходством» (с. 291).

Сборник отличает разнообразие методов и подходов к решению поставленных задач. В статье В. Каради «Образовательные стратегии венгерского дворянства в эпоху Просвещения и государственного строительства в Венгерском королевстве (1760–1848)» наглядно представлено, насколько эффективными могут быть методы социальной истории в исследовании образовательных траекторий в Европе Нового времени. Они позволили автору зримо представить образовательный идеал венгерского дворянства, во-первых, с учетом этнорелигиозного разнообразия последнего, и, во-вторых, в сравнении с недворянскими образовательными стратегиями. Результаты проведенного исследователем просопографического и количественного анализа данных, в основном за период с 1789 по 1849 г., показали долю мадьяр среди венгерских студентов; долю дворян среди венгерских студентов; соотношение магнатов, простых дворян и «простолюдинов» в конкретных университетах и академиях и на конкретных факультетах; выбор конкретных направлений и дисциплин дворянами и недворянами. Эти результаты позволяют составить ясное представление об образовательных стратегиях и предпочтениях венгерского дворянства в зависимости от ряда параметров и предпочтениях «нарастающего образованного среднего класса» (с. 96). Однако, если в некоторых таблицах приведены абсолютные цифры наряду с данными в процентах, то в других таблицах указаны только проценты. Отсутствие абсолютных цифр не позволяет получить правильное представление о репрезентативности полученных результатов. Например, несмотря на то, что из таблицы 5 следует, что в Венской ветеринарной школе мадьярские дворяне составляли очень высокий процент учащихся (63,3 % мелких дворян и 33,3 % магнатов), данный случай нельзя считать репрезентативным, поскольку, как отмечает сам автор, эта шко-

ла была «в общем-то маргинальным учебным заведением», и за 1789–1848 годы в ней проучились всего 36 дворян в целом (с. 97).

Хочется не согласиться с редакторами сборника, которые утверждают, что на такой широкой просопографической базе, как в исследовании Каради, анализ роли университетов в образовательном идеале российского дворянства «пока не проводился», и «поэтому мы не вполне представляем себе, как социальные траектории дворянства соотносились в России с образовательными предпочтениями других социальных групп» (с. 31). Еще в 2005 г. была опубликована монография А. Ю. Андреева «Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половины XIX в.», в которой представлены исчерпывающие статистические сведения и результаты просопографического анализа данных [Андреев, 2005]. Анализ образовательных стратегий, предложенный Андреевым в этой работе, вполне сопоставим по широте и детальности с исследованием Каради, в котором образовательные траектории венгерского дворянства представлены также на основе данных иностранных австрийских и германских университетов, где обучалось абсолютное большинство венгерских дворян в конце XVIII – первой половине XIX в. Более того, исследовательская работа по проблемам российской действительности продолжается под руководством Андреева на историческом факультете Московского университета, в ее ходе уточняются подробности о месте и роли университетов в образовательном идеале разных социальных слоев Российской империи [см., например: Андреев, 2009; «Быть русским по духу...»; Университетская идея].

Сборник завершается статьей Д. А. Редина, в которой проблемы дворянского воспитания анализируются на примере повести В. А. Соллогуба «Тарантас» (1840). Редин предлагает своеобразный «антиидеал» воспитания дворянина, констатирует кризис воспитательной модели дворянства эпохи Просвещения и смену образовательных идеалов. Он справедливо отмечает, что на рубеже XVIII–XIX вв. для критически мыслящей части русской аристократии ценность воспитания уже не ограничивалась обучением «светской этикетности», и прежде абстрактно-универсальное понятие «добротного гражданина» приобрело национальную ориентированность, в результате чего новый идеал воспитания дворянства имел своей целью служение интересам Отечества (с. 463). Образ наставника-француза у автора статьи диссонирует с тем, который представлен в предыдущих статьях сборника у А. Брюттер и В. Фреде, что вызывает недоумение: неужели такие гувернеры-французы, о которых пишет Фреде, – вдумчивые интеллектуалы, скрупулезно и педантично составлявшие образовательные программы для своих воспитанников, прилагавшие максимальное усердие и душевное рвение к процессу обучения, – были лишь единичными исключениями в России? Ведь у Редина гувернер-француз – невежественный, наглый и самоуверенный «беспородный полузнайка», «без малейшего стеснения» берущийся за обучение дворянских детей, «не имея ни малейшей к этому

способности, исключительно в расчете на обеспечение своего безбедного существования на чужбине» (с. 457–458). Из исследования Фреде складывается впечатление, что русские воспитанники-дворяне оказывались не способны получить идеальное образование, запланированное для них гувернерами-французами, из-за черт своего характера – вялости, инертности, бесчувственности и лени (с. 202–205). У Редина, напротив, представлен «понятливый» русский мальчик-дворянин, обладающий живым воображением и хорошей памятью, «совершенно славянской природы, то есть ленивый, но бойкий», который очень быстро «истощил ученый запас учителя» (с. 451–452). Поскольку статья Редина завершает сборник, у читателя, последовательно знакомящегося с материалами, создается впечатление, что, какими бы достойными ни были гувернеры-французы в отдельных случаях, в массе своей они мало способствовали образованию русских дворян. Тем более что случай героя Соллогуба, который в процессе обучения «не получил ни навыков к умственному труду, ни полезных знаний», в результате чего «русский ребенок вырос французиком в степной деревне» (с. 452), не является чисто художественным вымыслом. Он отражает проблему, широко обсуждавшуюся в публицистике того времени. Протест против «французов в русской коже» [Барсуков, с. 138] и системы воспитания и образования, которая плодит «полурусских джентльменов, лишенных всякой нравственной связи с Россией» [Калиновский, с. 146], являлся характерным для рассуждений российских интеллектуалов середины XIX в., критиковавших устаревший образовательный идеал дворянства.

Сборник снабжен сведениями об авторах и списком их основных публикаций по истории дворянства и истории воспитания, что полезно для читателей, интересующихся отдельными аспектами освещаемых проблем. Присутствуют список сокращений, состоящий в основном из аббревиатур названий архивов, на фонды которых опираются представленные исследования, указатель имен и тематический указатель. Правда, удобство использования и аккуратность составления последнего оставляют желать лучшего. Например, понятие *Ratio Studiorum* встречается, как минимум, на трех страницах сборника (285, 286 и 300), не отмеченных в тематическом указателе (при том, что объяснение этого термина дается именно на с. 300), а понятие *Ratio educationis*, которое, согласно указателю, можно найти только на с. 88, на самом деле присутствует еще на с. 85, 86 и 102. На одних страницах, которые указаны рядом с понятием «ментор», читатель найдет Ментора – наставника главного героя «Приключений Телемака», в других местах слово «ментор» использовано в значении «наставник». На с. 395, которой нет в указателе, мы читаем о «*mentor* Иоганне Кохлеусе»: здесь, по всей видимости, тоже имеется в виду наставник, но слово почему-то написано латинскими буквами. Примеры можно продолжить.

Серьезным недостатком является отсутствие единого концептуального и понятийного аппарата в сборнике: авторы используют как

взаимозаменяемые такие понятия, как «классовая принадлежность» и «сословная принадлежность» или «публичное право» и «гражданское право». Довольно странно читать, что княгиня Стронголи писала о «классовой гордости» (с. 124), имея в виду интересы своей семьи. Можно назвать ряд других несуразностей: вместо привычного для русскоязычной историографии «долгого XIX века» авторы сборника пишут о «длинном XIX веке» (с. 318) и «длинном XVIII веке» (с. 5); вместо привычного названия Львовского университета встречаем «Лембергский университет»; непонятен смысл загадочных терминов «анкуражирование» (с. 247) и «репутационные элиты» (с. 89). Смущает разницей в оформлении названий документов, сочинений и периодических изданий. В тематическом указателе отмечено, что названия литературных произведений, педагогических сочинений и периодических изданий выделены курсивом. В текстах же статей, даже в тексте отдельно взятой статьи, встречается смешение вариантов оформления: курсивом без кавычек (*Сто писем Цицерона*) и без курсива в кавычках («Недоросль»), на русском языке и на латинице (*Principi Generali del Discorso*, «Origins of the Russian Intelligentsia»), с приведением оригинального названия на первом месте («Of Travaile» («О путешествиях»)) и на втором месте («Французский Улисс» (*L'Ulysse françois*)). Также не унифицировано написание иностранных имен собственных.

В сборнике не указаны имена переводчиков статей иностранных авторов; как минимум, о нескольких из них доподлинно известно, что они не пишут на русском языке. Местами в тексте статей встречаются не характерные для русского языка обороты речи: «дело шло о путешествии» (с. 411), «путешественники продолжали это делать... более, чем раньше» (с. 400) (вместо «чаще, чем раньше»), «первые времена» (с. 413) (вместо «начальный период» или «первый этап»). Имеют место опечатки: «Надпись, сочиненная 1791 года» вместо «сочиненная в 1791 году» (с. 206), присутствует небрежность в указании дат: на с. 103 в сноске 22 читаем: «вплоть до падения Двухединой монархии в 1919 году», на следующей (с. 104) – «после падения Двухединой монархии в 1918 году».

В заключение следует отметить значимость сборника для отечественной и зарубежной исторической науки как в плане введения нового источникового материала в научный оборот, так и в плане применения разных методов и подходов к изучению проблем. Представленные в нем статьи являются плодом многолетней исследовательской работы авторитетных в европейском и российском сообществах профессиональных историков. Сборник, вне сомнения, пополняет количество примеров успешного международного сотрудничества историков и предоставляет полезные материалы для работы как российских, так и зарубежных преподавателей и исследователей, сфера научных интересов которых связана с проблемами изучения европейского и российского дворянства, а также с историей образования в Европе в раннее Новое время.

Список литературы

Андреев А. Ю. Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половины XIX века. М. : Знак, 2005. 432 с.

Андреев А. Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М. : Знак, 2009. 640 с.

Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина : в 22 т. СПб. : Погодин и Стасюлевич, 1888–1910. Т. 1. 314 с.

«Быть русским по духу и европейцем по образованию» = «Russian in spirit and European by education» : университеты Российской империи в общеобразовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII – начала XX в. / отв. сост. А. Ю. Андреев. М. : РОССПЭН, 2009. 335 с.

Ивонин Ю. Е. Универсализм и территориализм. Старая империя и территориальные государства Германии в раннее новое время 1495–1806 : в 2 т. М. : РКонсульт, 2004. Т. 1. Старая империя и территориальные государства Германии в международных отношениях в раннее новое время : очерки. 461 с.

Идеал воспитания дворянства в Европе: XVII–XIX века / под ред. В. Ржеуцкого, И. Федюкина, В. Береловича. М. : Новое лит. обозрение, 2018. 496 с.

История Нового времени : 1600–1799 годы : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / под ред. А. В. Чудинова, П. Ю. Уварова, Д. Ю. Бовыкина. М. : Академия, 2007. 384 с.

Калиновский А. О развитии в детях чувства народности // Журнал Министерства народного просвещения. 1870. Март. Ч. 148. С. 144–151.

Ключевский В. О. Сочинения : в 9 т. / под ред. В. Л. Янина. М. : Мысль, 1989. Т. 5. 476 с.

Комлева Ю. Е. Священная Римская империя германской нации в новое время. Государственно-политическое устройство: феномен «имперского федерализма». Saarbrücken : Lambert Academic Publ., 2010. 290 с.

Раев М. И. Понять дореволюционную Россию. Государство и общество в Российской империи / пер. с фр. Я. Горбаневского и Н. Дюжевой. Лондон : Overseas Publ. Interchange, 1990. 304 с.

Степченко В. А. И. С. Аксаков о «повреждении нравов» русского дворянства // Вестн. Омск. гос. ун-та. 2011. № 3. С. 135–138.

Университетская идея в Российской империи XVIII – начала XX веков : антология : учеб. пособие для вузов / сост. А. Ю. Андреев, С. И. Посохов. М. : РОССПЭН, 2011. 527 с.

Хохлова Ю. С. «Honnête homme et honnête femme» : Французские моралисты и мемуаристы о добродетельных придворных XVII века // Науч. ведом. Белгород. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. 2009. № 1 (56). С. 39–44.

Die Grand Tour in Moderne und Nachmoderne / Hrsg. von J. Imorde, J. Pieper. Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 2008. 288 S.

Enenkel K., de Jong J. L. Introduction : Artes Apodemicae and Early Modern Travel Culture, 1550–1700 // Artes Apodemicae and Early Modern Travel Culture, 1550–1700 / ed. by K. Enenkel, J. L. de Jong. Leiden, Boston : Brill, 2019. P. 1–13.

Leibetseder M. Educational Travelling and Court Culture in Early Eighteenth-Century Germany // Beyond the Grand Tour: Northern Metropolises and Early Modern Travel Behaviour / ed. by R. Sweet, G. Verhoeven, S. Goldsmith. L. ; N. Y. : Routledge, 2017. P. 108–124.

Redin D., Soboleva L. The Epoch of the Enlightenment: From the Voyages of Peter I to the Ideas of the Catherinian Period // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5, № 2. P. 303–312. DOI 10.15826/qr.2017.2.224.

References

Andreev, A. Yu. (2005). *Russkie studenty v nemetskikh universitetakh XVIII – pervoi poloviny XIX veka* [Russian Students in the German Universities of the 18th and the First Half of the 19th Centuries]. Moscow, Znak. 432 p.

Andreev, A. Yu. (2009). *Rossiiskie universitety XVIII – pervoi poloviny XIX veka v kontekste universitetskoi istorii Evropy* [Russian Universities of the 18th and the First Half of the 19th Centuries in the Context of European University History]. Moscow, Znak. 640 p.

Andreev, A. Yu. (Ed.). (2009). *“Byt’ russkim po dukhu i evropeitse po obrazovaniyu”*: universitety Rossiiskoi imperii v obshcheobrazovatel’nom prostranstve Tsentral’noi i Vostochnoi Evropy XVIII – nachala XX v. [“To be Russian in Spirit and European by Education”: Universities of the Russian Empire in the Common Educational Space of Central and Eastern Europe in the 18th and Early 19th Centuries]. Moscow, ROSSPEN. 335 p.

Andreev, A. Yu., Posokhov, S. I. (Eds.). (2011). *Universitetskaya ideya v Rossiiskoi imperii XVIII–nachala XX vekov. Antologiya. Uchebnoe posobie dlya vuzov* [The University Idea in the Russian Empire in the 18th and the Early 19th Centuries: An Anthology. Textbook for Universities]. Moscow, ROSSPEN. 527 p.

Barsukov, N. P. (1888–1910). *Zhizn’ i trudy M. P. Pogodina v 22 t.* [Mikhail Pogodin’s Life and Works. 22 Vols.]. St Petersburg, Pogodin i Stasyulevich. Vol. 1. 314 p.

Chudinov, A. V., Uvarov, P. Yu., Bovykin, D. Yu. (Eds.). (2007). *Istoriya Novogo vremeni: 1600–1799 gody. Uchebnoe posobie dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedenii* [Early Modern History: 1600–1799. Study Guide for University Students]. Moscow, Akademiya. 384 p.

Enenkel K., de Jong, J. L. (2019). Introduction. *Artes Apodemicae and Early Modern Travel Culture, 1550–1700*. In Enenkel, K., de Jong, J. L. (Eds.). *Apodemicae and Early Modern Travel Culture, 1550–1700*. Leiden, Boston, Brill, pp. 1–13.

Imorde, von J., Pieper, J. (Hrsg.). (2008). *Die Grand Tour in Moderne und Nachmoderne*. Tübingen, Max Niemeyer Verlag. 288 S.

Ivonin, Yu. E. (2004). *Universalizm i territorializm. Staraya imperiya i territorial’nye gosudarstva Germanii v rannee novoe vremya 1495–1806 v 2 t.* [Universalism and Territorialism. The Old Empire and German Territorial States in the Early Modern Period, 1495–1806. 2 Vols.]. Ocherki. Moscow, RKonsul’t. Vol. 1. *Staraya imperiya i territorial’nye gosudarstva Germanii v mezhdunarodnykh otnosheniyakh v rannee novoe vremya*. 461 p.

Kalinovskii, A. (1870). O razvitií v detyakh chuvstva narodnosti [On the Development of National Feelings in Children]. In *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. March. Part 148, pp. 144–151.

Khokhlova, Yu. S. (2009). “Honnête homme et honnête femme”. *Frantsuzskie moralisty i memuaristy o dobrodetel’nykh pridvornnykh XVII veka* [“Honnête homme et honnête femme”. French Moralists and Memoirists on the Virtues of Courtiers in the 17th Century]. In *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 1 (56), pp. 39–44.

Klyuchevskii, V. O. (1989). *Sochineniya v 9 t.* [Works. 9 Vols.] / ed. by V. L. Yanin. Moscow, Mysl’. Vol. 5. 476 p.

Komleva, Yu. E. (2010). *Svyashchennaya Rimskaya imperiya germanskoi natsii v novoe vremya. Gosudarstvenno-politicheskoe ustroistvo: fenomen “imperskogo federalizma”* [The Holy Roman Empire of the German Nation in the Early Modern Period. State and Political Structure: The Phenomenon of “Imperial Federalism”]. Saarbrücken, Lambert Academic Publ. 290 p.

Leibetseder, M. (2017). Educational Travelling and Court Culture in Early Eighteenth-Century Germany. In Sweet, R., Verhoeven, G., Goldsmith, S. (Eds.). *Beyond the Grand Tour: Northern Metropolises and Early Modern Travel Behaviour*. L., N. Y., Routledge, pp. 108–124.

Raev, M. I. (1990). *Ponyat’ dorevolutsionnuyu Rossiyu. Gosudarstvo i obshchestvo v Rossiiskoi imperii* [Understanding Imperial Russia. State and Society in the Old Regime] / transl. by Ya. Gorbanevskii and N. Dyuzheva. L., Overseas Publ. Interchange. 304 p.

Redin, D., Soboleva, L. (2017). The Epoch of the Enlightenment: From the Voyages of Peter I to the Ideas of the Catherinian Period. In *Quaestio Rossica*. Vol. 5. No. 2, pp. 303–312. DOI 10.15826/qr.2017.2.224.

Rjéoutski, V., Fedyukin, I., Berelowitch, W. (Eds.). (2018). *Ideal vospitaniya dvoryanstva v Evrope: XVII–XIX veka* [The Ideal of the Education of the Nobility in Europe between the 17th and 19th Centuries]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 496 p.

Stepchenko, V. A. (2011). I. S. Aksakov o “povrezhdenii нравов” russkogo dvoryanstva [Ivan Aksakov on the “Distortion of Mores” of the Russian Nobility]. In *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 3, pp. 135–138.

The article was submitted on 21.05.2020